

УДК 343.9

А.Г. ГОРШЕНКОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Нижегородская академия МВД России,

Г.Н. ГОРШЕНКОВ,

доктор юридических наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Проводится критический анализ противодействия коррупции как сложного объекта криминологического контроля; дается нормативно-правовая и социально-правовая оценка коррупционной сделки, определяемой авторами в качестве основного признака коррупционного преступления.

В числе основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции определены совершенствование системы и структуры государственных органов, создание механизмов общественного контроля за их деятельностью, в том числе и особенно совершенствование деятельности правоохранительных и контролирующих органов (п.п. 4, 10 ст. 7 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ "О противодействии коррупции") [1].

В этом отношении большое значение придается антикоррупционной экспертизе, которую следует рассматривать как разновидность криминологической экспертизы. Еще в ноябре 2006 г. глава государства В.В. Путин, выступая в Кремле перед участниками Всероссийского координационного совещания, обратил их внимание на необходимость совершенствования антикоррупционного законодательства, в частности, "препятствующего вступлению должностных лиц, государственных и муниципальных служащих в коррупционные сделки" [2]. Он отметил актуальность и необходимость "проведения криминологической экспертизы принимаемых законов, в том числе на предмет их коррупциогенности" [2].

Проведение такой экспертизы нормативно-правовых актов предполагает, в частности, мониторинг их применения, что и предусмотрено Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ "Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов" [3].

Профессор И.Л. Бачило определяет мониторинг как дозиметрический контроль или контрольное измерение нормативной продукции законотворческих органов и практики деятельности правоприменительных органов [4]. "Мониторить" означает отслеживать движение, динамику развития законодательства, а также деятельность по его реализации (в самых разных ракурсах и по самым разным признакам). Например, Генеральная прокуратура РФ уделяет большое внимание правовому мониторингу угроз национальной безопасности, призванному обеспечивать "своевременное выявление нарушений закона, условий и факторов, представляющих угрозу жизненно важным интересам личности, общества, государства, раскрытие их причинных связей, принятие мер к их устранению либо нейтрализации" [5].

Таким образом, в контексте настоящей статьи объектом криминологического мониторин-

га выступают, во-первых, коррупционные преступления, ответственность за которые предусмотрена, в частности, главами 23 и 30 УК РФ [6], во-вторых, реализация этих и соответствующих других норм. Но здесь возникает сложный вопрос о понятиях "коррупция" и "коррупционное преступление" как проявление коррупции.

Легалистский термин "противодействие коррупции" получил чрезвычайно широкое распространение в юриспруденции. Его активно употребляют и теоретики и практики. Слово-сочетания "коррупционное преступление", "преступление коррупционной направленности", "коррупционное дело" и т.п. можно встретить в ведомственном отчете, в научной статье, даже в учебнике по криминологии. "Коррупция" приобретает (да уже приобрела) риторичность и, таким образом, в большей мере придает тексту официальную (политическую) напыщенность, можно сказать, украшает текст, нежели играет в нем особую смысловую роль, которая представляется ответственной, поскольку слово используется уже как юридический термин, то есть элемент юридической техники, и выражает словесное обозначение государственно-правового понятия; посредством термина "коррупция" закрепляется содержание нормативно-правового предписания государства [7].

Этим можно объяснить тот факт, что утвержденный президентом РФ 31 июля 2008 г. "Национальный план противодействия коррупции" начинается с раздела "Меры по законодательному обеспечению противодействия коррупции". Первой статьей данного акта предписаны подготовка и внесение в Государственную Думу РФ проекта федерального закона "О противодействии коррупции". В предполагаемом проекте, в частности, предусматривается (п. "а") "определение понятий "коррупция" – как социально-юридического явления, "коррупционного правонарушения" – как отдельного проявления коррупции, влекущего за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность..." [8]. Однако в принятом Государственной Думой, одобренном Советом Федерации и подписанном (!) Президентом

РФ Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ "О противодействии коррупции" [9] указанная мера не была реализована. То есть понятия коррупции как *социально-правового явления* законодателем не дано. Термином "коррупция" в законе обозначены "злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами" (п. "а" ч. 1 ст. 1 закона).

Как видим, определение коррупции как социально-юридического явления в законе подменено перечнем нескольких деяний, содержащихся в Уголовном кодексе РФ. Более того, этот перечень можно было и не приводить, поскольку названные деяния поглощаются определением "иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды" (денег, ценностей, услуг, имущественных благ) для самого физического лица или для третьих лиц.

Даже элементарно разбирающийся в юридической технике специалист обратит внимание на отсутствие запятой перед "или" в словосочетании "для себя или для третьих лиц", что означает отношения взаимоисключения: либо извлечение выгоды для физического (должностного) лица, либо извлечение выгоды для других лиц. Следовательно, совместная выгода в законе не предусмотрена. Однако для коррупционного преступления характерен именно совместный корыстный интерес подкупающего и подкупаемого. И этот интерес находит выражение в коррупционной сделке.

Известно изречение древних римлян: "*Do ut facies*" – "Даю, чтобы сделал" [10]. Этим кратким изречением можно выразить квинтэссенцию социально-правового явления коррупции:

образ жизни людей, выраженный в общественных отношениях, которые возникают и развиваются на основе оплаченного соглашения (коррупционной сделки) двух и более лиц и направлены на незаконное использование одним из них своего должностного положения в противоправном извлечении совместной выгоды.

Профессор А.И. Долгова акцентирует на этом внимание, подчеркивая, что "только коррупция характеризуется практически двусторонней сделкой – корруптера и коррупционера (коррумпируемого субъекта). Корруптер подкупает коррупционера, а тот за соответствующую мзду совершает угодные корруптеру действия" [11, с. 708–709]. При этом ученый выделяет 3 вида подкупа (коррупционной сделки): 1) обоюдную двустороннюю сделку (примерно 50%); 2) инициативный подкуп служащего, в том числе с активным психическим, иным давлением (примерно 25–27%); 3) вымогательство служащим взятки, дополнительного вознаграждения (23–25 %) [11, с. 709].

Коррупционная сделка как способ совершения должностного (служебного) преступления должна оцениваться как квалифицирующий признак. Преступление совершается в соучастии. При этом важно установить, кто выступает в качестве организатора, подстрекателя, пособника, посредника.

В этом и заключается, на наш взгляд, то особое правовое содержание коррупции, которое и должно отличать, например, коррупционное превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) от некоррупционного превышения должностных полномочий. Ныне действующая ст. 286 УК РФ "Превышение должностных полномочий" предусматривает "обычное" должностное (служебное) преступление, или то самое "незаконное использование (превышение) физическим лицом своего должностного положения". При этом неважно, в чьих интересах оно совершается. В части второй данной статьи квалифицирующим признаком определен более высокий статус должностного лица. Часть третья предусматривает особо отягчающие обстоятельства: а) применение насилия или угрозу его применения; б) применения оружия

или специальных средств; в) причинение тяжких телесных повреждений.

Коррупционная сделка здесь не предусмотрена – так же, как и в ряде других статей гл. 30 (ст. 285 "Злоупотребление должностными полномочиями", ст. 285.1 "Нецелевое расходование бюджетных средств", ст. 285.2 "Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов" и др.). Но все эти и другие деяния, предусмотренные гл. 30 УК РФ, определяются как коррупционные, хотя формально к этому виду следует относить лишь получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дачу взятки (ст. 291 УК РФ).

Почему же "традиционные" должностные преступления отныне следует именовать "коррупционными"? Очевидно, для того, чтобы показать результативность противодействия коррупции. В отчет идет каждое такое зарегистрированное преступление, но далеко не каждое лицо, его совершившее, получает справедливое наказание. Избежать его помогает уголовный закон, в частности, предусматривающий соответствующие привилегии в примечании к ст. 291 УК РФ "Дача взятки", в ст. 75 УК РФ "Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием".

С криминологической точки зрения важно выявлять и изучать коррупционную сделку как особый высокопотенциальный криминогенный фактор. Особенность его заключается в том, что он способен продуцировать не одно преступление, а перспективную преступную деятельность.

Исходя из остроты проблемы и политической активности в плане противодействия коррупции, чрезвычайно важно выделять из числа должностных (служебных) преступлений именно коррупционные преступления. *Коррупционное преступление можно определить как уголовное наказуемое деяние, совершенное должностным лицом (коррупционером) на основе коррупционной сделки путем использования своих полномочий вопреки интересам службы в совместных с корруптером корыстных интересах.*

Такого рода преступление должно иметь как минимум три обязательных признака: а) должностное лицо как субъект преступления; б) под-

куп должностного лица, точнее коррупционная сделка с другим лицом; в) незаконное использование должностного положения (служебных полномочий) в корыстных целях (на основе коррупционной сделки).

Коррупционная сделка представляется нам как разновидность преступной сделки, которая определена в качестве квалифицирующего признака иных деяний, то есть не относящихся к должностным или служебным деяниям. К их числу следует отнести, в частности, криминальную сделку в отношении человека: убийство по найму (п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по найму (п. "г" ч. 2 ст. 111 УК РФ), истязание по найму (п. "ж" ч. 2 ст. 117 УК РФ), совершение которых характерно для современного бизнеса правонарушений.

Коррупционную сделку мы определяем как *соглашение между физическим лицом (корруптером), предоставляющим должностному лицу (коррупционеру) по собственной инициативе или в ответ на требования должностного лица определенные блага в целях разового или предполагаемого на перспективу использования должностных полномочий вопреки интересам службы в совместных корыстных интересах.*

Поскольку сделка предполагает соглашение, то есть соучастие, двух и более субъектов преступления, то она выступает квалифицирующим признаком коррупционного преступления в любом случае, то есть независимо от того, предусмотрена или не предусмотрена сделка (чаще в виде подкупа) в качестве квалифицирующего признака состава преступления.

Такой подход, во-первых, исключает необоснованно широкие пределы усмотрения "коррупционной направленности" преступлений, следовательно, обеспечивает целевое применение уголовно-правовых средств в предупреждении коррупционных преступлений; во-вторых, предоставляет возможность криминологического изучения детерминации коррупционной преступности, в частности, путем изучения соответствующих уголовных дел.

В связи с этим нуждаются в корректировке и уголовно-статистические показатели преступности, по которым становится возможным проведение результативного криминологического мониторинга, особенно в отношении преступности против государственной власти.

Список литературы

1. Российская газета. – 2008. – 30 декабря.
2. Владимир Путин: Деньги и власть должны быть разьединены // Российская газета. – 2006. – 22 ноября.
3. Российская газета. – 2009. – 22 июля.
4. Бачило И.Л. О подходах к гармонизации законодательства в условиях информатизации. – URL: http://nsrf.gov.by/Conf/report/r_14.htm
5. Ашурбеков Т. Правовой мониторинг угроз национальным интересам // Законность. – 2007. – № 5. – С. 48.
6. Национальный план противодействия коррупции: Утвержден Президентом РФ 31 июля 2008 г. Пр-1568 (раздел I, ст. 2, п. "з") // Российская газета. – 2008. – 5 августа.
7. Юридические термины // Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: ИНФРА, 2007. – С. 847.
8. Российская газета. – 2008. – 5 августа.
9. Российская газета. – 2008. – 30 декабря.
10. Гилинский Я.И. Криминология: курс лекций. – СПб.: Питер, 2002. – С. 235.
11. Долгова А.И. Коррупционная преступность // Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Норма, 2005. – С. 708–709.

В редакцию материал поступил 11.03.10.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, коррупционная сделка, виды подкупа, криминологический мониторинг.